

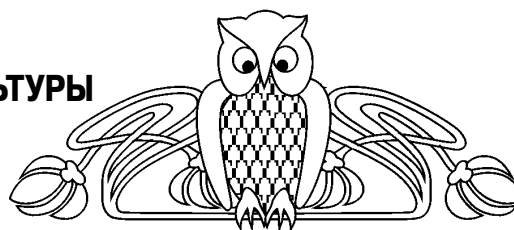
- ⁸ Экс-спикер Государственной думы Г. И. Селезнев и пламенный трибун С. П. Горячева, избранные по спискам КПРФ, вышли из партии и фракции в результате конфликта с ее лидером Г. А. Зюгановым и стали независимыми депутатами в 2002 г.
- ⁹ Избран в марте 2000 г. на дополнительных выборах по Владивостокскому одномандатному округу № 50.
- ¹⁰ См.: Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253 ; О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 20 декабря 2005 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 21, ст. 1919.
- ¹¹ Пляйс Я.А. Избирательная система современной России в лабиринтах перманентных реформ // Обозреватель-observer. 2007. № 6. С. 47.
- ¹² Международные стандарты и российская избирательная система / под ред. А. И. Иванченко. М., 2006. С. 87.
- ¹³ Нудненко Л.А. Новеллы Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» // Государственная и муниципальная власть. 2006. № 6. С. 16.
- ¹⁴ О лукавстве такого формального права и других последствиях перехода к пропорциональной избирательной системе подробнее см.: Вилков А. А. Конституционно-правовые основы и институциональные возможности участия граждан в оппозиции в современной России // Участие граждан в управлении делами государства : проблемы правового регулирования и реализации в условиях модернизации России : материалы междунар. Конституционного форума (10 дек. 2010 г., Саратов). Вып. 2 : сб. науч. ст. Саратов, 2010. С. 43–50.

УДК 316.334.3+366.636

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. А. Зимин

Саратовский государственный университет
E-mail: natali.26.12@mail.ru

В статье рассматриваются основные факторы, обусловившие эволюцию идеологической функциональности структурирования политической культуры в постсоветской России. Автор доказывает, что за весь период постсоветской истории России ни разу в результате голосования к власти не приходили силы, открыто заявившие о своей приверженности к конкретной идеологии, и констатирует, что в политической культуре затянувшегося переходного периода ни одна из идеологий не представлена в чистом виде в качестве самодостаточного факторного основания, которое бы определяло вектор эволюции и политико-культурные особенности конкретной социальной группы российского общества.

Ключевые слова: политическая идеология, политическая культура, партийные идеологии, функциональность политической идеологии, идеология как переменная составляющая политической культуры.

Ideological Functionality of Political Culture Structuring in Modern Russia

V. A. Zimin

This article examines key factors affecting evolution of ideological functionality of political culture's structuring in post-soviet Russia. The author proves that political actors which showed their ideological commitments explicitly have never gained power for the whole period of post-soviet history of Russia. In author's opinion, within the political culture of long-lasting transitive period there is no ideologies existing in an ideal form and having an impact on evolution and political-cultural features of certain social groups of Russian society.

Key words: political ideology, political culture, ideologies of parties, functionality of political ideology, ideology as a variable of political culture.

Одними из важнейших факторов, обуславливающих состояние политической культуры, являются идеологические основания общественно-политического и социально-экономического устройства, понимаемые как некая перманентно меняющаяся ценностная система (целостная, как это было в период СССР, или фрагментированная на отдельные составляющие, как это имеет место в постсоветской России). Ключевым исходным тезисом выступает признание того, что данные основания не являются неизменными и постоянно меняются в результате как динамики общества и государства, так и воздействия определенной внутренней логики самой идеологии (тем более логики конкурентных взаимодействий носителей различных идеологий).

Как справедливо отметил известный специалист в области политической философии К. С. Гаджиев, «каждая эпоха вырабатывает и исповедует собственные “измы”, например собственный либерализм, консерватизм, радикализм и т. д.». Присовокупление к ним префикса «нео» в большинстве случаев означает на практике, что мы имеем дело «с совершенно новыми явлениями, порожденными именно современными реалиями, хотя к ним и применяются названия, ярлыки и

стереотипы, заимствованные из прошлого. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить между собой консерватизм конца XX в. и его прототип прошлого века или классический либерализм XIX в. и современный социальный либерализм, которые во многих основополагающих аспектах радикально отличаются друг от друга»¹. Справедливость данного утверждения, на наш взгляд, можно подтвердить тем, что даже в советский период формально единая коммунистическая идеология на практике проделала значительный и противоречивый путь от идеологии военного коммунизма до идеологии «социализма с человеческим лицом».

Соответственно, менялись функциональность и вектор воздействия идеологической переменной на формирование политической культуры. В первые годы после захвата власти главная задача большевиков заключалась в легитимации установившейся диктатуры пролетариата в раздираемой противоречиями и социальными разломами России. В этой связи требовалось идеологическое обоснование причин и страшных последствий кровопролитной Гражданской войны. В качестве главного аргумента выступали не только накопившиеся претензии к царскому режиму (не сумевшему, например, решить аграрный вопрос в соответствии с представлениями большинства крестьянства), но и мессианская идея о строительстве нового общества, которому предстоит показать путь к светлому будущему всего человечества без эксплуатации и насилия, идеологические контуры которого были научно обоснованы К. Марксом и его последователями. В результате возникла парадоксальная ситуация – в стране с абсолютным преобладанием крестьянского населения победила партия, опирающаяся на коммунистическую идеологию, ориентированную на реализацию интересов пролетариата. Этот парадокс многие исследователи объясняют наличием общих начал в менталитете и политической культуре большевиков и российского крестьянства, которые позволили привлечь большинство аграриев на сторону диктатуры пролетариата².

Впоследствии вектор функциональности идеологии был направлен на конструктивистские задачи по внедрению социалистического проекта в жизнь. Именно на его основе очень активно и жестко осуществлялись задачи по достижению социальной однородности общества, прежде всего, за счет «перереформирования» российских единоличников из мелкобуржуазного класса в колхозное крестьянство. Одним из важнейших направлений социалистических преобразований стала культурная революция, главной целью которой было обозначено формирование «нового» советского человека с соответствующей универсальной политической культурой. Этой задаче была подчинена мощнейшая, всеохватывающая система политической социализации, деятельность которой строго контролировалась на пред-

мет ее соответствия официально действующим в каждый конкретный исторический момент истории СССР идеологическим ценностям и принципам.

Само содержание идеологического проекта постоянно корректировалось, подстраивалось под внутренние обстоятельства и внешнюю ситуацию, под наличные ресурсы и возможности, под стратегические и тактические цели и задачи. В рамках данной статьи в нашу задачу не входит подробное рассмотрение всех аспектов и нюансов эволюции официальной идеологии СССР и факторов, обуславливающих ее динамику (этой проблематике посвящено большое количество современных исторических исследований). Для нас важна констатация и обоснование того методологического принципа, который логически вытекает из анализа места и роли данного института, в том числе и в рассматриваемый советский период: идеология по природе своей инструментальна и представляет собой переменное основание политической культуры даже в условиях безальтернативного доминирования единственной государственной идеологии.

Несмотря на стремление увековечить незыблемость марксизма-ленинизма как научной основы социалистической идеологии, апелляция к одним и тем же работам классиков не была неизменной: в разные периоды советской истории акцент делался на различных цитатах, и интерпретация их также не была устоявшейся. Стабильным оставалось одно – понимание функциональной значимости идеологии в обосновании цели общественного развития и целеполагания в жизни каждого конкретного человека за счет формирования определенного мировоззрения и ценностного основания политической культуры. Эти базовые функции определили и решение многих других важнейших задач – формирование советской политической идентичности и лояльности действующему режиму, воспитание патриотизма и чувства гордости за социалистический строй, мобилизация на решение грандиозных экономических и социальных задач и многих других.

Не случайно, что одну из важнейших задач по ликвидации тоталитарного наследия сторонники либеральной демократии видели в разрушении идеологических основ социалистического строя. Фактически произошло нормативно-правовое закрепление деидеологизации российского общества на основе внедрения плюрализма идеологий. Как следствие, изменилась субъектность идеологий. В соответствии с Конституцией Российской Федерации государство было исключено из их числа, а главными субъектами идеологических отношений стали институты гражданского общества: прежде всего партии, общественно-политические движения и СМИ. Предполагалось, что институциональное и нормативно-правовое закрепление ценностей и принципов демократии неизбежно приведет к расширению позиций

идеологии либерализма и на основе свободного волеизъявления граждан утвердит у власти ее представителей.

Б. Г. Капустин, оценивая публично ориентированную логику либеральных реформаторов о народе как субъекте модернизации, характеризует ее ироническим понятием «озарение»: «Народ должен принять реформу, поверить в ее целевые свойства и отказаться от десятилетиями насаждаемой у нас догмы о социализме...»³. Конечно, в логике того самого всемогущего частного интереса, о которой мы все время слышим от Пияшевой, хочется уточнить: «Должен кому? Должен за что?». Но эти вопросы нельзя задавать, ибо озарение этого публициста в том и состоит, чтобы разговор о реформе привычным образом перевести в систему координат инструкций Агитпропа и идеологических директив (нового?) ЦК. «Должен – и все тут!»⁴ Реальная практика преобразований опровергла такие наивные (или целенаправленно декларируемые для воздействия на наивных граждан) расчеты.

Либерализм, по мнению исследователей, стал терять свою популярность в России уже в начале 1990-х гг., после разочарования в радикальных социально-экономических реформах, проведенных под либеральными лозунгами⁵. Однако они продолжали активно навязываться в СМИ, поскольку ассоциировались с действующим президентом и медиаполитической системой. Середина 1997 г., по мнению Е. В. Мишановой, стала переломным моментом: «...именно в это время с битвы за “Связьинвест” началась эпоха информационных войн, в ходе которой были разрушены многие мифы и дискредитированы либеральные идеи. Эта “битва” стала той критической точкой, после которой девальвация либерализма, начавшаяся несколькими годами ранее, стала очевидной»⁶.

Девальвация либерализма на фоне общей деидеологизации существенно изменила и функциональность самого института идеологии. Она перестала выполнять объективно необходимые, в том числе и для демократического общественного управления, функции целеполагания, политической идентификации, придания политическим действиям «качества последовательности и целенаправленности, соответствия не только потребностям субъекта политики, но и реальным условиям, в которых происходит его деятельность»⁷.

Функциональность партийных идеологий не смогла компенсировать ликвидацию государственной идеологии. В этом заключается принципиальное отличие российской политической системы от западных систем, основанных на конкуренции устоявшихся партий со своими идеологическими программами, каждая из которых в одиночку или в блоке с другими имеет шанс на приход к власти в случае волеизъявления граждан на выборах. Обусловлено это отличие не только тем, что в России отсутствовали такие устойчивые партийные структуры с узнаваемы-

ми и признаваемыми идеологиями, но и тем, что они не могли определить вектор общественного развития даже в случае победы на выборах. Этот вектор в соответствии с Конституцией РФ в определяющей степени зависел от президента. А в связи с конституционным запрещением государственной идеологии он, как глава государства, не связывал открыто свою деятельность с какой-либо конкретной партией и ее программой, хотя и не скрывал своих политических симпатий к либерально-демократическим ценностям. В результате произошли раскол общества по самым различным основаниям и соответствующая фрагментация его политической культуры. Это привело к тому, что российские граждане потеряли ключевые ориентиры в своей жизни, лишились общепризнанных ценностей и норм, регулирующих их отношения друг с другом и государством.

Для привлечения граждан на свою сторону лидеры многочисленных партий стали активно использовать идеологемы вместо идеологий и информационно-коммуникативные и имиджевые технологии вместо партийной агитации и пропаганды. В результате это привело к тому, что идеологическая эклектика и популизм стали нормой в политической жизни постсоветской России.

С одной стороны, это обусловлено общими тенденциями, характерными для постмодернистской эпохи «крушения метанарративов», когда автоматически «сокрушается и всякая претензия на идеологический монизм». С другой стороны, по мнению исследователей, «дело обстоит проще: эклектика завладела у нас политическим спектром потому, что он сильно сдвинулся вправо, в сторону консерватизма, правое же политическое мышление изначально предрасположено к эклектичности»⁸. В качестве аргумента отнесения подавляющей части российских политических сил к правым, консервативным по природе партиям приводится тот факт, что официальное мировоззрение в путинское десятилетие отчетливо эволюционировало вправо: «Этот дрейф ясно просматривается уже на уровне государственной символики: вначале ввели полусоветский гимн, герб с монархическим двуглавым орлом и республиканский трехцветный флаг, потом отменили однозначно левый праздник 7 ноября и заменили его 4 ноября, который, пусть и без явного желания власти, тут же превратился (и не мог не превратиться) в “День националиста”»⁹.

На наш взгляд, речь идет не о сдвигах в сторону традиционного консерватизма (или неоконсерватизма) как метаидеологии, а о сдвигах в сторону инструментального использования набора идеологем, с помощью которых можно привлечь на свою сторону избирателей, разочаровавшихся в либерально-демократических ценностях.

Идеологемы лежат и в основе популизма, который чаще всего базируется на родовой принадлежности к какой-либо идеологии, но доведенной до «высшего уровня ее совершенства» в

силу «выдающихся» качеств партийного лидера, либо в силу наиболее последовательной приверженности ценностям и принципам данной идеологии, в отличие от «ренегатских» позиций других партий идентичного идеологического спектра. Очевидно, что популизмвозможен, прежде всего, в условиях переходных состояний, когда рушатся традиционные кумиры, ценности и идеалы, когда политическая культура подвергается радикальной ломке и фрагментации.

Г. И. Мусихин уподобляет популизм «вирусу, который настолько примитивен, что не обладает собственной клеточной структурой, однако вследствие своей примитивности способен прижиться в чужой клеточной среде. Но раз так, то секрет чрезвычайного разнообразия проявлений популизма, по-видимому, следует искать не столько в некоей присущей ему иррациональности и алогичности, сколько в его концептуальной ущербности и «недоделанности»¹⁰. Можно согласиться с утверждением автора о том, что «неверно обвинять популизм в «идеологическом промискуитете». При всей своей открытости он способен вступать в контакт не с любой идеологией. Хотя концептуальное ядро популизма слабо, оно все-таки есть»¹¹. И далее: «Исследователи, не признающие за популизмом права именоваться идеологией ввиду его неопределенности и отсутствия ключевых черт, просто не замечают, что подобная неопределенность (а точнее, фрагментарность) и является ключевой его чертой»¹².

Последнее утверждение автора не может не вызвать возражений. Если довести до логического завершения наложение данного тезиса на конкретные идеологии современности, то неизбежно дойдем до опровержения наличия данного института в условиях современности в принципе. Эта идея уже периодически озвучивалась в научном сообществе (например, «Конец идеологии» Д. Белла, 1960 г.), и после бурных дискуссий победу одерживала точка зрения сторонников объективной функциональности идеологии в современном обществе.

Да, действительно, современные метаидеологии заимствуют друг у друга ведущие ценности, но это вовсе не означает, что в результате они неизбежно приобретают характеристики популизма. Более точным будет утверждение, что изменили свои сущностные качества те партии, которые являются носителями данных идеологий, из классовых и массовых они превратились в «электоральные» партии, ориентированные на сложную стратификацию современного общества. Однако сложная сегментация электората в ходе предвыборных кампаний вовсе не означает утрату идеологического ядра и общей концептуальной логики обоснования перспектив общественного развития, отличающейся от логики партий, ориентированных на другие идеологии.

Как представляется, главная характеристика популизма заключается в выдвигании невы-

полных рецептов решения сложных проблем, которые являются наиболее актуальными для большинства населения. Упрощенный популистский подход основан на том, чтобы «говорить то, что граждане хотят услышать», независимо от реальных возможностей реализации данного обещания. Его обязательным условием являются определенные характеристики политической культуры, обусловленные отсутствием опыта и традиций участия граждан в политической жизни в условиях конкурентной борьбы различных политических сил. Обычно население достаточно быстро изживает иллюзии в отношении популистских лидеров и возглавляемых ими партий и после разочарования начинают голосовать за более реалистические программы.

Пример долгожительства ЛДПР и ее бессменного лидера объясняется не особыми качествами низкой политической культуры российского населения, а совокупностью объективных и субъективных обстоятельств. С одной стороны, долгоительство этой явно популистской партии, не имеющей никакого реального отношения к либеральной демократии как идеологии, можно объяснить своеобразной, но неоспоримой харизмой В. В. Жириновского и его дарованием великолепного актера, умеющего работать с разнообразной аудиторией. С другой стороны, нужно учитывать, что главный аргумент, на который он опирается, характеризует себя как оппозиционную партию, состоит в том, что ЛДПР ни разу не имела возможности полностью воплотить свою программу, так как ни разу не была партией власти, полностью ответственной за стратегию общественного развития.

Думается, именно в этом заключена коренная проблема слабости идеологического фактора в мотивации политического выбора российскими гражданами. За весь период постсоветской истории России ни разу в результате голосования к власти не приходили силы, открыто заявившие о своей приверженности к конкретной идеологии. Речь идет именно о президентских выборах, которые и определяли вектор политического развития страны. Борьба сторонников Б. Н. Ельцина против Г. А. Зюганова на президентских выборах 1996 г. велась под примитивными слоганами «демократия versus тоталитаризма», которые можно оценить как суррогат идеологии либерализма. Начиная с 2000 г. и по 2012 г. на выборах президента побеждали кандидаты, не связывающие себя даже в суррогатном виде с конкретной идеологией.

Обусловлено это многими причинами, вполне конкретными для каждой избирательной кампании, но общим является то, что граждане разочаровались в результатах идеологической мотивации на выборах депутатов Государственной думы. О причинах разочарования в идеологии либерализма уже после начала реформ в 1990-е гг. мы уже говорили выше. В 1995 г. маятник настроений качнулся в сторону идеологии

КПРФ, и она получила на выборах в Государственную думу больше голосов, чем любая другая партия. Однако это не привело к изменению ситуации, и маятник вновь качнулся в сторону центристских партий, у которых отсутствовали четкое идеологическое ядро и соответствующее идеологическое позиционирование («Единство» и «Единая Россия»).

Массовое снижение популярности идеологии либерализма стало очевидным и проявилось в наглядных показателях падения рейтингов и результатов голосования за партии данного направления. На наш взгляд, главная причина разочарования заключена не столько в сфере либеральных ценностей, обосновывающих основные права и свободы граждан, сколько в социально-экономической области – люди не приняли резкого снижения жизненного уровня, характера и результатов проведенной приватизации, катастрофического падения индустриального и сельскохозяйственного производства и изменения баланса структуры экономики в пользу ресурсодобывающих отраслей.

Неслучайно данные Института социологии РАН показывают, что большинство населения (почти через два десятилетия демократических преобразований) в целом отдает в экономической сфере предпочтение государству, а не рынку. В 2010 г. 16% населения вообще предпочли бы видеть плановое социалистическое хозяйство, еще 42% – экономику с элементами рыночного хозяйства, но основанную на государственной собственности, 42% считают, что для России больше подходит экономический строй, полностью или частично основанный на рынке и частной собственности¹³.

Главная причина победы «Единой России» лежит вовсе не в области идеологии (программа данной партии эклектична не на уровне популизма, но на уровне отсутствия идеологического концептуального ядра), а в том, что партия открыто позиционировала себя в качестве главного инструмента реализации политики Президента РФ В. В. Путина. Его высокий рейтинг, в свою очередь, также не был основан на конкретной идеологии, а обусловлен персональными личностными имиджевыми характеристиками.

Понимание слабости такой позиции и объективная общественная потребность в общенациональной идеологии привели к попытке предложения президентской администрацией концепции «суверенной демократии». Она вызвала бурную дискуссию политиков, журналистов, общественных деятелей, представителей научного и творческого сообщества и закончилась безрезультатно.

Таким образом, проблема не была разрешена, и ее актуальность осознается большим количеством ответственных политиков и обществоведов. Некоторые открыто призывают, по сути, к необходимости пересмотра конституционного запрета

на государственную идеологию¹⁴. Другие формулируют более осторожно: «Вряд ли кто-нибудь сегодня будет утверждать, что возможно создание и устойчивое существование какого-либо крупного и сложноструктурированного социума без некоей объединяющей всех входящих в него людей “базовой” идеи – такой, которая понятна всем и принята в качестве основы для культурной самоидентификации хотя бы большинством. Не требуется специально доказывать, что любая власть в таком социуме просто вынуждена хотя бы в целях самосохранения, эту “базовую” идею и опирающуюся на нее картину мира всячески в массовом сознании поддерживать»¹⁵. Как представляется, выработка идейно-ценностного ядра, признаваемого и поддерживаемого большинством российского населения, является одной из самых важных и безотлагательных задач, без решения которой невозможно минимизировать последствия социальных разломов и соответствующей фрагментации политической культуры в постсоветский период.

В целом, проведенный анализ позволяет констатировать, что в политической культуре затянувшегося переходного периода ни одна из идеологий не представлена в чистом виде в качестве самодостаточного факторного основания, которое бы определяло вектор эволюции и политико-культурные особенности конкретной социальной группы российского общества.

Самая противоречивая ситуация прослеживается в отношении либерализма. Несмотря на явное снижение политического веса российских партий, открыто заявляющих о своей приверженности либеральным ценностям, значение последних в политической культуре российских граждан значительно выше, чем рейтинг данных партий. Обусловлено это, прежде всего, тем, что большинство других российских партий, которые условно можно отнести к консервативному, право- и левоцентристскому спектру, неизбежно включает в свои программы ведущие права и свободы граждан, которые генетически связаны именно с классическим либерализмом.

Такое включение отражает общемировую тенденцию трансформаций метаидеологий и создает определенные предпосылки для формирования либерально-ценностного сегмента ядра общегражданской политической культуры в современной России. Он является важным и обязательным началом, без которого невозможно в условиях конституционно закрепленного плюрализма идеологий в современной России примирить возможность каждого индивида быть автономным в своих ценностных и политических предпочтениях и в то же время оставаться толерантным в отношении такого же права на автономию каждого другого индивида. Это создает вполне реальную возможность уже сегодня использовать либеральную идеологическую «скрепу» для фрагментированной российской

политической культуры без ее привязки к конкретным либеральным партиям.

Другой важнейший сегмент ядра общегражданской политической культуры связан с базовыми ценностями социал-демократии (социальная справедливость, социальная защита и солидаризм). К сожалению, главная причина сохранения социальной напряженности в современной России объясняется наличием самых серьезных расхождений именно в этой области. Представления значительной части российских граждан о должной социальной справедливости существенно расходятся с их оценками политической и социально-экономической реальности современной России. Нет единства и в понимании сущности самого данного понятия представителями разных социальных групп России. Обусловлено это тем, что имеет место существенная политическая фрагментация партийной интерпретации указанных ценностей. Если либеральные ценности партии заимствуют на основе достаточно универсальной интерпретации, то в данном случае каждая партия («Единая Россия», «Справедливая Россия», «Патриоты России», КПРФ, «Яблоко» и многие другие) представляет свою собственную версию включения ценностей социал-демократии в свои программы. Они отличаются и по месту в ранжировании значимости среди других ценностей, и по трактовке их сущности. Это приводит к тому, что наиболее укорененные с исторической точки зрения ценности в политической культуре россиян не выполняют на сегодня роль скрепляющего начала, а напротив – являются одним из ключевых оснований для социокультурного и социального антагонистического размежевания.

Более позитивную роль в формировании консолидирующего ядра играют консервативные ценности (государственность, державность, патриотизм). Несмотря на наличие определенных расхождений в партийной их интерпретации, они носят в основном инструментальный характер (различия касаются в первую очередь способов обеспечения данных ценностей, а не их сущности). Сферой проявления такого единодушия могут служить, прежде всего, голосования парламентских фракций по внешнеполитическим ситуациям, например, по так называемому закону

Димы Яковлева, который объединил депутатов оппозиции и правящей партии. Иными словами, фактически консервативно-патриотический сегмент идеологических ценностей уже сегодня вполне способен реализовывать свою интегрирующую функцию. Их объединение, на наш взгляд, возможно при наличии научно обоснованной интегрирующей идеологии для России.

Примечания

- 1 Гаджиев К. Метаморфозы идеологии в условиях глобализации // Власть. 2011. № 11. С. 8.
- 2 См.: Бабашкин В. Крестьянский менталитет : наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 99–110.
- 3 Пияшева Л. Реформа // Октябрь. 1991. № 1. С. 163.
- 4 Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории // <http://shulenina.narod.ru/Polit/kapustin/sovremennost/03.html> (дата обращения: 02.05.2009).
- 5 См.: Вилков А. А. Либеральные ценности в массовом сознании россиян в постсоветский период // «Новая Россия» : Власть, общество, управление в контексте либеральных ценностей : материалы междунар. науч. конф. Москва, 22 марта 2004 г. М., 2004. С. 157–165.
- 6 Мишанова Е. В. Проблема операционализации идеологического поля в контент-аналитических исследованиях // Полис. 2010. № 3. С. 78.
- 7 Демидов А. И. Учение о политике : философские основания. М., 2001. С. 209, 211.
- 8 Фишман Л. Г. Слишком много эклектики // Полития. 2010. № 2 (57). С. 146.
- 9 Там же.
- 10 Мусихин Г. И. Популизм : структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Полития. 2009. № 4 (55). С. 51.
- 11 Там же. С. 52.
- 12 Там же.
- 13 См.: Готово ли российское общество к модернизации? // Общество и экономика. 2010. № 5. С. 126.
- 14 См.: Хабибулин А. Г., Рахимов Р. А. Государственная идеология : к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. №3. С. 11–20;
- 15 Черносивтов П. Ю. Современная мифология и государственная идеология : соотношение понятий // Культурологические записки. Вып. 13. М., 2011. С. 86–87.